

**Зайцева Н.В. Философия истории:
взаимосвязь онтологических и гносеологических аспектов.**
Самара: ООО «Офорт», 2013. 374 с.

Самарский исследователь, ученый, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор Наталья Валентиновна Зайцева выполнила небезыңтересное монографическое исследование (выпущено в свет в 2013 г.), в котором предметом рассмотрения выступают исторический (онтологический) и критико-аналитический (гносеологический) типы философии истории. При этом автор особое внимание акцентировал на обосновании самой возможности построения историчесофских доктрин в идейном контексте. Н.В. Зайцева привела при этом аргументы в пользу развития критической философии. Также раскрыты пути взаимодействия двух вышеназванных типов философии истории. Подобное определение предмета исследования обеспечило актуальность проблемы, анализируемой в монографии, с академической точки зрения. И не только с академической.

Аксиоматично, что философия истории – раздел философии, связанный с интерпретацией исторического процесса и исторического познания. Когда выдающийся мыслитель французского Просвещения Вольтер (1694–1778) первым употребил данный термин, подразумевая под ним совокупность теоретических проблем истории как действительности, он вряд ли мог предположить, что данная отрасль философского знания будет в начале XXI века актуальной не только сугубо по академическим критериям, но и по политическим. Современные политические реалии, характеризующиеся резким обострением международной политической ситуации вокруг России в связи с последними событиями на Украине, западные санкции и размораживание Западом инструментария холодной войны вновь делают весьма актуальными историчесофские исследования, выполненные именно в России и на российском материале. И здесь можно всецело согласиться с мнением автора рецензируемого научного труда, который утверждает буквально следующее: «...потребность в историчесофских доктринах сильнее ощущается в тех обществах, где наиболее остро стоит вопрос о национальной и культурно-исторической идентичности личности или народа, т.е. о его месте в мировой цивилизации» (4)¹.

Между тем одна из уникальных черт российского общества заключается в том, что кризис идентичности приобретает в нем хронический характер, особенно в XX столетии. Исторический опыт нашего Отечества свидетельствует: в начале XX в. социум демонтирует историческую реальность России императорской в пользу России советской, функционировавшей в формате

СССР, тогда как в конце века историческая реальность советской России демонтируется в пользу постсоветской (ельцинской) государственности «россиян». Наталья Валентиновна солидаризируется в данной связи с мнением выдающегося отечественного мыслителя С.Л. Франка (1877–1955), согласно которому «философия истории и социальная философия – ... главные темы русской философии» (58). Напротив, «в англоязычном мире ... под термином «философия истории» сегодня подразумевают ... теорию исторического познания, а не историчесофию» (103–104).

Примечательно, что в монографии, написанной еще до обострения политической ситуации вокруг России, исследователь справедливо отмечает, что «именно в современной России историческое сознание ближе всего подошло к возрождению на новой основе исторического универсализма, отброшенного за ненадобностью познавательным опытом западноевропейской цивилизации» (103). Рецензенты полагают, что Н.В. Зайцева сформулировала в тезисе, изложенном выше, своего рода методологическую установку, позволяющую реализовать концептуальный замысел данной научной работы. Исходя из такой авторской методологической установки остановимся на основных идеях рецензируемой монографии.

Концептуальные истоки историчесофии², как известно, восходят к иррациональным структурам мифологического и религиозного мышления, примером которого является, например, христианская апокалиптика. Рациональное (научное) постижение истории, по мнению исследователя, восходит к эпохе Просвещения, прежде всего, к трудам Ш. Монтескье (1689–1755), заложившего основы концепции географического детерминизма. Профессором Н.В. Зайцевой также рассматриваются концепции, согласно которым история детерминируется духовными факторами, как у Г.В.-Ф. Гегеля (1770–1831), который «фактически превращает всю человеческую историю в историю мысли» (129). В исследовании далее рассматриваются концепции детерминации исторического процесса столкновением воль гениальных личностей (полководцев, правителей и т.п.). Не обойден вниманием и экономический детерминизм К. Маркса (1818–1883), а также некоторые популярные в недавнем прошлом историчесофские построения, такие как теория пассионарности Л.Н. Гумилева (1912–1992), представляющая собой один из вариантов биологического детерминизма.

В монографии справедливо указывается, что на современном этапе развития историчесофии подобного рода монистические концепции пред-

ставляются менее правдоподобными, нежели плюралистическая теория факторов, согласно которой «не существует какой-либо односторонней детерминации исторического процесса: ни экономика, ни политика, ни философия, ни религия не играют в жизни общества решающей роли» (113-114).

Исследователь указывает еще на одну негативную традицию осмысления истории, восходящую к позитивистской философии науки, когда само понятие исторической закономерности ставится под вопрос. Человеческая история – линейная последовательность событий, в отличие от естественнонаучных процессов, которые носят статистический характер, позволяющий отличить устойчиво повторяющееся (необходимое) от вариативного (случайного). В истории нет и не может быть никакой вариативности, она «не терпит сослагательного наклонения». Соответственно в исторической сфере невозможно отличить необходимое от случайного, поэтому рационально обосновать тезис о наличии в истории какого-либо смысла принципиально невозможно.

Именно понимание данного факта привело к тому, что профессиональные, позитивистски настроенные историки негативно воспринимали историософию уже к концу XIX века. Смысл подобной позиции выразил отечественный историк А.Я. Гуревич (1924-2006), утверждавший, что «ныне, как можно надеяться, историософия любого толка глубоко дискредитирована, и историческая наука перестает быть пленницей цельнотянутых априорных метафизических конструкций. Историки провозглашают Декларацию независимости своего ремесла» (цит. 87).

По этой причине рассуждать о каком-то (метафизическом) смысле истории в конце XX века – своеобразная интеллектуальная смелость. Ведь еще выдающийся русский философ Н.А. Бердяев (1874-1948) в свое время утверждал, что смысл любого процесса, в том числе исторического, может быть постигнут лишь после его завершения. «История лишь в том случае имеет смысл, если будет конец истории, если будет в конце воскресение, если встанут мертвецы с кладбища мировой истории и постигнут всем существом своим, почему они истлели, почему страдали в жизни и чего заслужили для вечности, если весь хронологический ряд истории вытянется в одну линию и для всего найдется окончательное место» (цит. 177).

Н.В. Зайцева, однако, находит изящное решение, позволяющее продолжить историософские изыскания, оставаясь в рамках научного метода. В данной связи стоит обратить внимание на концепции смены локальных цивилизаций, восходящие к работам Н.Я. Данилевского (1822-1885) и О. Шпенглера (1880-1936). Здесь появляется определенная статистика, позволяющая вычленивать сходные черты в эволюции цивилизаций различного типа, с различными пространственными и временными параметрами.

В отечественной историософской традиции в данной связи сформировались два господствующих подхода: формационный и цивилизационный. Первый предполагает структурирование человеческой истории, прежде всего, во времени, когда одна цивилизация исторически сменяет другую, диалектически повторяя исторический путь своей предшественницы в существенных чертах. Второй, напротив, локализует цивилизации, прежде всего, пространственно, что позволяет более четко объективировать процесс взаимодействия цивилизационных проектов различного типа.

Вместе с тем современное состояние цивилизационного подхода к историческому процессу все еще остается весьма варибельным, даже в плане выделения основных структурных единиц, т.е. локальных цивилизаций. Например, О. Шпенглер и С. Ханнингтон (1927-2008) выделяют 8 таких цивилизаций (правда, они различны у каждого исследователя), Н.Я. Данилевский – 12, А. Тойнби (1889-1975) – 37.

Еще одна трудность заключается в том, что предсказательная сила существующих цивилизационных теорий весьма относительна, равно как и степень их математизации. Например, предсказанный в начале XX века О. Шпенглером «Закат Запада» осуществляется как тенденция уже столетие, однако многофакторность исторического процесса позволяет современным противникам цивилизационной смерти Запада отметить очевидные симптомы загнивания и гибели, надеясь, что в будущем включится действие неких конструктивных факторов, что обеспечит Западу цивилизационное спасение.

Что же касается сложившихся к настоящему времени математических моделей исторического процесса, то они по степени своей обоснованности недалеко ушли от конструкций известной лженауки нумерологии. Например, отечественный исследователь В.В. Феллер выделяет трехлетний, двенадцатилетний, сорокавосемилетний, 192-летний и 768-летний исторические циклы.

Вместе с тем тезис о принципиальной предсказуемости исторического процесса, осуществляемого усилиями людей, подводит нас к одной из базисных философских проблем – свободе воли и вносит в историю определенный элемент фатализма. Последнее, в частности, инициирует отрицание закономерного характера исторического процесса К. Поппером (1902-1994), который негативно интерпретирует историософские концепции К. Маркса и Г. Гегеля как «историцизм» (55) и «философию оракулов».

Заслуживают внимание и такие обобщения профессора Н.В. Зайцевой:

– история всегда рассматривается как процесс, развертывающийся в реальном пространстве-времени и протекающий в силу ряда причин. Эти причины, где бы их не находить бы их не находить,

в чем бы их не усматривать, являются базовыми факторами, изначально предопределяющим движение истории и ее направленность (341);

– история всегда осмысливается под сильным влиянием социокультурных факторов. Первостепенную роль здесь обычно играет национально-государственная, социально-классовая или же культурно-цивилизационная ориентация мыслителей. Общечеловеческое начало выступает в этой связи в весьма специфичной (например, в националистической) форме. Так что, рассуждая о многообразии историософских построений, не представляется возможным сбрасывать со счетов личностные особенности создавших их мыслителей (342).

К числу достоинств данного труда можно отнести строгость мысли, научный и четкий академический стиль изложения материала. При этом ученый не злоупотребляет трудными неудобочитаемыми терминами. Поэтому эту работу можно смело рекомендовать для самостоятельного изучения студентам исторических факультетов, осваивающим учебную дисциплину «Теория и методология истории».

Понятно, что труды подобного рода не могут выполняться без некоторых недостатков. В качестве таковых в рецензируемой монографии можно отметить то, что ее автор несколько перенасытил отдельные фрагменты и сюжеты своей работы цитатным материалом.

Думается, что можно было бы более подробно осветить теорию постиндустриального общества, оттолкнувшись от той посылки, что она иногда рассматривается в современной теории и методологии исторической науки в качестве одной из концепций (*немарксистской*) формационного подхода к познанию исторической истины³.

Разумеется, подобные недостатки никоим образом не могут быть возведены в ранг ошибок системного характера. Они – обратная сторона

творческого мышления вдумчивого, оригинального исследователя, коим, безусловно, является автор рецензируемой монографии.

По суждению рецензентов, научный труд Натальи Валентиновны Зайцевой представляет собой серьезное историософское исследование. Оно станет особенно небезынтересным не только для профессиональных историков, но и для всех людей, интересующихся проблемами смысла и динамики исторического процесса.

Можно согласиться с мнением автора монографии о том, что историософия отнюдь не исчерпала свой потенциал, несмотря на очевидный кризис историософской проблематики, вызванный, в частности, элиминативной критикой историософии в рамках позитивизма. Однако последующее развитие философии истории требует сегодня новых идей и подходов, своеобразного «коперниканского поворота», который позволит занять данной дисциплине достойное место в системе гуманитарных наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в скобках будут указываться страницы рецензируемой монографии. Если на этой странице исследователь цитирует какую-либо работу, то будет применяться такое обозначение (цит... далее номер страницы).

² Рецензенты исходят из общеизвестного положения, что термины «философия истории» и «историософия» носят в основном синонимичный характер.

³ См., напр.: *Ерасов Б.С.* Формационный и цивилизационный анализ российского общества // *Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энциклопедический словарь* / Ред. колл.: Мчедлов П.М. и др. М., 2001. С.455–460; *Ипполитов Г.М.* Формационный подход к познанию истории: исчерпан ли его исследовательский потенциал? // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2009. Т.11. №6 (32). С.231–240, и др.

*Доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Поволжского филиала
Института российской истории РАН,
профессор кафедры философии Поволжского
государственного университета телекоммуникаций
и информатики, академик Академии военных наук*

Г.М. Ипполитов

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Поволжского государственного университета
телекоммуникаций и информатики*

Т.В. Филатов